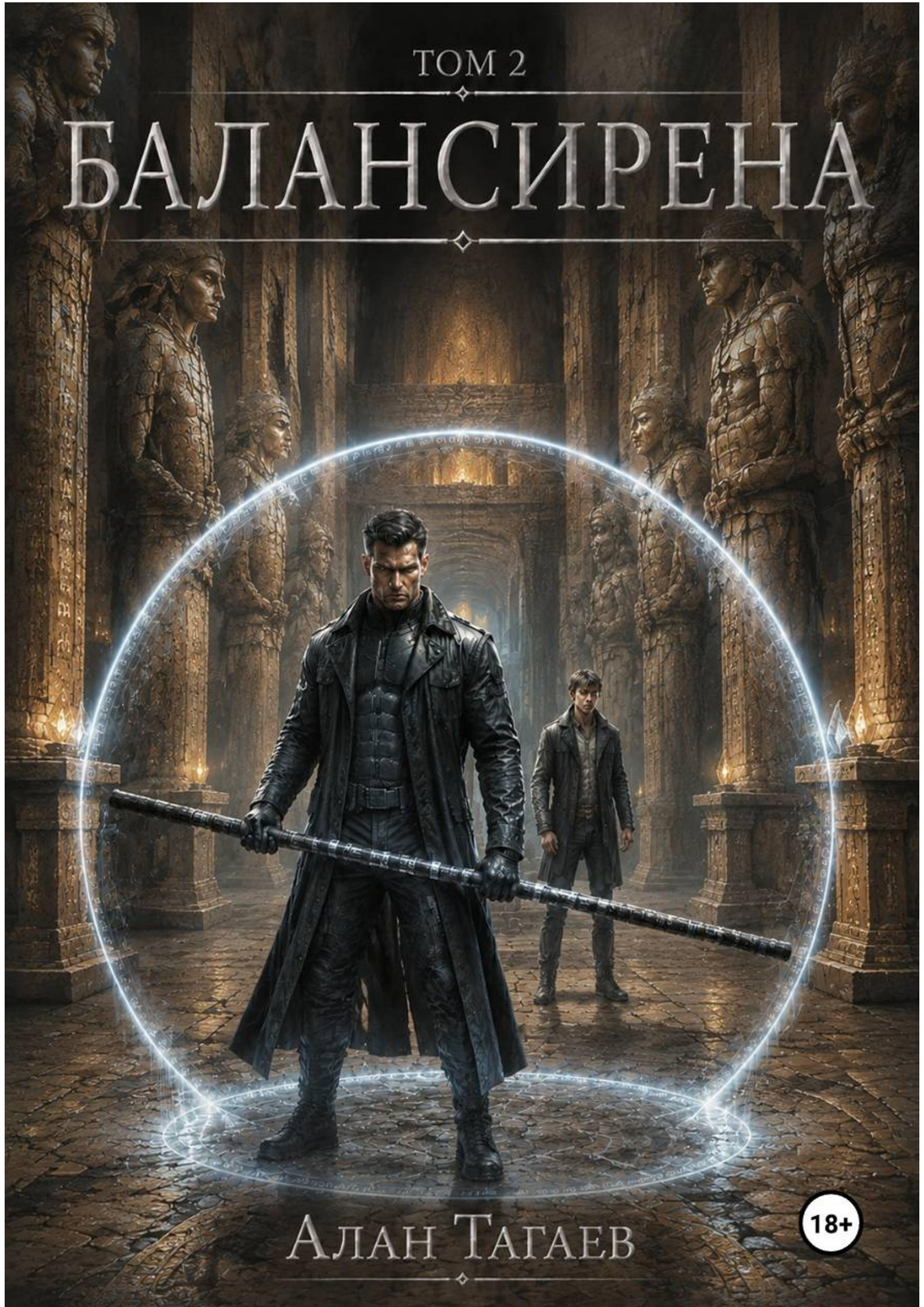

ТОМ 2

БАЛАНСИРЕНА

АЛАН ТАГАЕВ

18+

Алан Тагаев

Балансирена. Том 2

«Автор»

2026

Тагаев А.

Балансирена. Том 2 / А. Тагаев — «Автор», 2026

Бурк отправляется в путь в поисках силы, знания и соратников. В каждом днем мирная жизнь становится все дальше, а жесткая и беспощадная реальность все ближе. И вскоре ему предстоит воочию в этом убедиться...

© Тагаев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Четыре дня кошмара	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алан Тагаев

Балансирена. Том 2

Пролог. Четыре дня кошмара

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Сознание не приходило — оно вползало, как ядовитая тварь, оставляя за собой слизь головной боли и тошноты. Сначала пришла жажда. Она была физическим существом, когтистым и сухим, царапающим горло изнутри. Потом — запах. Хлорка, едкая и искусственная, не могла перебить сладковато-кислый смрад гниющего мяса, железа и человеческих отходов. Его отходов. Он понял это, ощутив жгучее, унижительное раздражение внизу живота. Простой физиологический позыв стал пыткой — тело опорожнялось само, пока он спал. Сколько спал?

Он попытался пошевелиться. Руки, ноги, шея — всё было сковано холодным, неумолимым металлом. Не верёвками, а именно медицинскими или полицейскими манжетами, привинченными к кровати. Отчаяние — острое и слепое ударило в виски. Он рванулся и где-то в сгибе локтя что-то дёрнулось в ответ. Тонкая, гибкая трубка, входящая в вену. Катетер.

Аня.

Мысль пронзила туман в голове как удар тока. Он с хрустом повернул голову, мышцы горели от неподвижности.

Она лежала рядом. Обнажённая. Прикованная также. Её тело, которое он знал и любил, было исписано синими и багровыми письменами насилия. На простыне под ней растекалось тёмное, засохшее пятно. Глаза закрыты.

Из его горла вырвался стон — хриплый, беззвучный.

В углу, там, где стоял её туалетный столик, тень обрела форму. Фигура в тёмном немарком комбинезоне сделала бесшумный шаг вперёд. Вместо лица — гладкая, чёрная маска с ярким OLED-экраном. На нём сияла неестественно широкая, пиксельная улыбка. Жёлтые зубы на чёрной пустоте.

Маска наклонилась. Электронный, лишённый всего человеческого голос заполнил комнату.

— Привет, жертва. Надо признать, я волнуюсь.

Голос скакал по тональности, срывался на шёпот и взвизгивал до визга.

— Знаешь, как сложно думать обо всех мелочах?! Предусмотри то, не забудь это! Питание, гигиена, тишина... Раз уж решил — не передумай. И думаешь. Думаешь. ДУМАЕШЬ! Даже во сне!

Пауза. Тяжёлое, свистящее дыхание из-под маски.

— Скажу прямо: всё будет плохо. Я долго ждал. Я ХОЧУ, чтобы это произошло. Я хочу убивать вас. Долго. И мучительно. Я уже заслуживаю!

В этих словах не было злорадства. Только голая, голодная ярость. Обида загнанного в угол зверя.

Маска повернулась к Ане. Он сменил на экране улыбку на прищур, а потом немного помедлил и нарисовал злое выражение.

— Скоро я её выведу из сна и начну. Посмотри на меня.

Константин не мог отвести взгляд.

— Будет больно. А с ней я сотворю такое... что ты будешь умолять меня о чём-то большем, чем смерть.

Аня застонала. Её веки дрогнули. Она открыла глаза — мутные, невидящие. Потом взгляд нашел его. Узнал. И в её глазах медленно распустился цветок чистого ужаса. Она поняла всё, ничего не понимая.

— Ну что? «Приступим?» — деловито спросил голос.

В его руке блеснул стальной клюв садового секатора.

Первый удар был по большому пальцу ноги. Звук — негромкий влажный щелчок. Палец отскочил на простыню. Кровь брызнула тёмно-алым. Вопль Анны разорвал тишину — высокий, пронзительный, нечеловеческий. Она билась в оковах, суставы запястий побелели от напряжения.

Константин закричал вместе с ней — от ярости, от беспомощности, от разрывающей грудь боли за неё. Маска издал звук — не смех, а низкий, довольный гул, как от работающего двигателя. Он наслаждался не болью, а их реакцией. Их соучастием.

День первый был днём ножа и ножниц. Маска не торопился. Он делал неглубокие, точные надрезы на её бёдрах, животе, груди — будто выводил сложный узор. Кровь сочилась медленно, отчего было ещё страшнее. Потом взял большие портняжные ножницы. Он не резал, а сдавливал. Сначала мочку уха. Хруст хряща заставил её содрогнуться всем телом. Потом — фалангу мизинца на руке. Она кричала пока не охрипла, потом лишь беззвучно открывала рот, глаза закатывались. Её приводили в сознание, поднося к носу ватку с нашатырём. Она возвращалась в ад с тихим стоном.

К вечеру он добрался до лодыжки. Секатор впивался в плоть с методичным хрустом. Он не отрезал, а откусывал маленькие кусочки, внимательно изучая как дёргаются мышцы, как меняется звук её хрипа. Кости дробились. Из раны сочилась не только кровь, но и что-то желтоватое. Лодыжка превратилась в кровавое, бесформенное месиво.

Аня потеряла сознание в пятый раз и на этот раз её не будили. Дыхание стало пугающе тихим.

Маска отложил окровавленные ножницы, вытер руки о простыню и посмотрел на Константина.

— Отдохни. Осмысли. Я скоро вернусь. И начнётся твоя очередь.

Он вышел из комнаты. Через несколько минут Константин услышал звук захлопывающейся входной двери.

Тишина, что наступила потом, была хуже любого крика. Он лежал и смотрел на искалеченное тело любимой женщины, на её лицо, искажённое страданием даже в беспмятстве. Он плакал. Сначала тихо, потом в голос, судорожно рыдая, пока не начал задыхаться. Он звал её, умолял проснуться, просил прощения за свою беспомощность. Ответом была лишь тишина и прерывистое дыхание.

Маска вернулся через два часа. В руках он нёс небольшой чемоданчик, который поставил у кровати и открыл. Внутри на чёрном бархате лежали новые инструменты. Длинные иглы. Скальпели разного размера. Костяной нож с зазубренным лезвием.

— Ты отдохнул? — спросил электронный голос и на экране злое лицо мигнуло красным. — Теперь пришла очередь посмотреть на всё с другой стороны. Но сначала... ты будешь смотреть на неё. Всегда будем начинать разминку именно с неё.

Он взял скальпель и подошёл к Ане.

Так для Константина началась двойная пытка. Он видел каждый надрез на её теле, каждую иглу, входящую под ноготь, и знал — с математической точностью отчаяния — что через час или два это повторится с ним. Это знание выедало разум изнутри, превращая страх в холодную, оцепеняющую прозу. Сейчас режут её левую грудь. Потом разрежут мою. Сейчас ломают её палец. Потом сломают мой.

Когда Маска наконец перешёл к нему, боль стал почти облегчением. Наконец кончилось ожидание. Но это было облегчение человека, прыгающего в костёр с лезвием. Острая, режущая

агония скальпеля была хуже тупого удара. Он чувствовал как лезвие разделяет слои кожи, как тянет за собой мышцу. Он видел собственную кровь. Слышал, как Маска, тяжело дыша, комментировал свои действия: «Вот здесь связка интересно натянулась... А тут кровь идёт ярче...»

Первый день закончился, когда в окно пробился первый луч рассвета. Они оба лежали в тишине, истекая кровью, связанные не только металлом, но и общим, невыносимым знанием: это только начало.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Второй день начался с укола. Что-то бодрящее и обжигающее ввели через катетер. Сознание прояснилось, боль обострилась до крика каждой нервной клетки. Маска сменил простыни, обработал некоторые раны антисептиком, который жег как огонь. Он заботился о своём «материале».

Сегодня в ход пошли иглы. Длинные, тонкие. Маска вводил их под ногти, в суставы, в мышцы. Боль была не разрывающей, а глубокой, сверлящей, невыносимо-монотонной. Анна, казалось, уже не чувствовала её остро — она уходила в себя, в какое-то внутреннее убежище, из которого её вытаскивал только новый, особенно изощрённый удар.

Константину же иглы вгоняли в ладони между пястными костями. Ощущение было таким будто через него пропускают ток. Он кричал пока не терял голос, но Маска требовал тишины.

— Не шуми. Ты мешаешь концентрации. Это же... искусство. Шучу! Можешь орать, мне это очень нравится!

Потом были ножницы. Не для резки, а для вырезания. Маленькие, острые, хирургические. Он вырезал кусочки плоти с внутренней стороны бёдер, с живота. Небольшие, размером с монету. Клал их в баночку. Коллекционировал.

Константин видел как взгляд Ани становится стеклянным, пустым. В ней угасал не только свет, но и сама воля к сопротивлению. Она перестала реагировать даже на самые болезненные манипуляции, лишь слегка вздрагивая. Это безучастность, казалось, злила Маску больше, чем крики. Он пытался вернуть её «в процесс», но безуспешно.

К вечеру второго дня Маска в ярости взялся за её лицо. Острое лезвие бритвы прошло по щеке, над бровью. Он не калечил её сильно — будто боялся испортить «холст». Но унижение было абсолютным.

Перед тем как начать с Константином, Маска показал ему баночку.

— Часть её уже здесь. Скоро и часть тебя будет здесь. Вы будете вместе. Навсегда.

Нож вошёл в его бок неглубоко, но с противным сочным звуком. Боль была яркой, ослепляющей. Потом Маска начал вырезать. Также. Методично. Собирая и аккуратно складывая. Константин смотрел на потолок, пытаясь отключиться, но каждое движение лезвия возвращало его в комнату, к боли, к запаху крови и страха. Он начал молиться о том, чтобы потерять сознание. Но его сознание, подпитываемое капельницей, было ясным и чутким, как никогда...

— Смерть, приди за нами, умоляю, — рыдал Константин...

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Третий день встретил их тишиной. Маска не появлялся до полудня. Они лежали вдвоём в тишине и эта пауза была хуже пытки. Каждая секунда ожидания растягивалась в вечность, наполненную пульсацией боли в ранах, зудом заживающих царапин и леденящим страхом: что будет дальше?

Когда Маска пришёл, он был не один, их стало двое, в движениях одного была усталость, даже раздражение, а второй был бодр и весел. Анна почти не реагировала на внешний мир. Её дыхание было едва заметным. Веселый ткнул её иглой — она лишь слабо дёрнулась. На экране второго маски лучилась улыбка, но в голосе мелькнуло что-то похожее на разочарование, но первоначальное настроение быстро вернулось.

— Братец, не мог меня дождаться!? Вон сколько наворотил! — обратился Веселая Маска к Злому. — А ты уходишь слишком рано, — проговорил электронный голос, — но ладно. Судя по твоему виду, ты свою часть отыграла! А вот ты ещё нет, — он повернулся к Константину. — Сегодня мы углубимся в изучение анатомии...

Углубились буквально. Веселая маска взял длинный, тонкий шип, похожий на вязальную спицу. Он нагрел его на огне зажигалки докрасна и, не давая остыть, медленно, с лёгким шипением, начал вводить Константину под ноготь на большом пальце руки. Боль была настолько всепоглощающей, что мир сузился до этого одного, раскалённого острия, входящего в живую плоть. Он выл, бился, выкручивая суставы в манжетах, чувствуя, как кожа на запястьях рвётся до мяса.

Потом были надрезы по старым ранам, которые успели регенерировать. Маска вскрывал едва затянувшиеся порезы на его животе и груди, любясь как они снова начинают сочиться. Он делал это спокойно, почти медитативно. Вторая маска просто смотрел.

Анна скончалась тихо, ближе к вечеру, пытки сожгли её душу дотла. Константин увидел, как последний слабый вздох выходит из её полуоткрытых губ и как всё её тело, до этого хоть как-то напряжённое, обмякло окончательно. Не было ни драмы, ни последнего взгляда, ни улыбки освобождения. Просто... остановка.

Маска проверил пульс, покачал головой.

— Все! Игрушка кончилась, ай-яй-яй!

Константин не почувствовал горя. Он почувствовал зависть. Глухую, чёрную, всепоглощающую зависть. Она свободна. А он — нет. Он остался один на один с двумя монстрами и со своим ещё живым телом, которое можно было резать, колоть и ломать бесконечно.

ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ

Четвёртый день прошёл в тумане. Боль стала фоном, белым шумом существования. Веселая маска работал с ним уже без прелюдий, без театральности. Было ощущение, что он заканчивает проект, торопится. В ход пошли кусачки. Откусывались фаланги пальцев на руках. Звук ломающейся кости был сухим как щелчок. Крови было меньше, чем ожидалось.

Константин почти не реагировал. Он смотрел в потолок, в то пятно от протечки, которое они так и не заделали. Он думал о простых вещах. О том какая вчера была погода. О недосмотренном сериале. Его сознание, чтобы не сломаться окончательно, отгораживалось от реальности тонкой, хрупкой стенкой. Он почти не слышал слов Маски, не чувствовал всей остроты новых ран — только далёкое, глухое давление.

Маска, казалось, это заметил. Он попытался «вернуть» его, сделав особенно болезненный надрез на внутренней стороне бедра, но даже это не вырвало Константина из ступора. В электронном голосе послышались нотки досады.

— Ты окончательно сдался? Жалко, мне так все нравилось, но уже становится скучновато!

Он убрал инструменты, постоял немного, глядя на своё творение. Потом просто вышел. Константин услышал, как он ходит по дому, что-то собирает, моет. Потом — звук входной двери. И тишина.

Настоящая тишина. Без дыхания Маски. Без дыхания Ани. Только его собственное, хриплое и тиканье настенных часов в гостиной.

Он пролежал так несколько часов, погружённый в оцепенение. Мысль о спасении была настолько чужой, что даже не возникала.

А потом скрипнула калитка.

Шаги по гравию. Ровные и уверенные. Как будто бы клюшкой постучали в дверь. Потом еще раз. Длинный, настойчивый стук в незапертую дверь прозвучал как гром в гробовой тишине. Он был настойчивым, лишенным паники — не спасатели, не соседи. Наконец дверь скрипнула.

Константин не повернул головы. Ему было всё равно.

В холле послышались шаги. Тяжёлые, уверенные, с едва уловимым шуршанием одежды по бокам — словно кто-то был в широкой куртке или плаще. Шаги замерли. Потом двинулись дальше, в сторону просторной гостиной, превращенной в зал пыток.

Запах пыток ударил вновь, теперь смешанный с запахом осенней улицы, принесённым с собой гостем. Звук шагов замер прямо в дверном проёме.

Бурк окинул взглядом комнату. Его каменное лицо не дрогнуло. Он видел нападение монстров, видел разорванных тварей, видел смерть. Но это было что-то иное. Это была не война. Стойка с инструментами, глянцево поблёскивающими под тусклым светом. Капельницы с почти пустыми флаконами. На полке, как консервы, банки с мутной жидкостью, где плавало нечто тёмное и кусочкообразное. И повсюду — старые, бурые разводы крови на полу, на простынях, на стенах.

И два тела на кроватях.

Бурк двинулся к парню. Жив. Дыхание едва заметное, пульс — тонкая, прерывистая нить под холодной кожей. Руки Бурка, привычные к действию, уже доставали из скрытого кармана «Инвентаря» стеклянную ампулу с малиновым светом — зелье здоровья повышенной очистки, которое Николай выторговал у одного из врачей базы. Он не стал искать вену — просто поднёс к губам Константина и влил.

Жидкость подействовала почти мгновенно. Цвет, оттенок жизни, вернулся в серое лицо. Глубокие, ужасные раны на теле Константина затянулись тончайшей розовой пленкой молодой кожи. Все конечности регенерировали, но навсегда утрачен был кусок души. Но жизнь, ясная и жестокая, вернулась в его глаза. Они открылись и уставились в потолок, всё ещё пустые, но уже способные сфокусироваться.

Бурк повернулся к девушке. Его «Сфера», постоянно активная на минимальном, почти не расходующем выносливость, уровне, мягко обняла её тело. Он искал то, что искал всегда в бою — биение жизни, пульсацию энергии, малейшее движение воздуха в лёгких. Ничего. Только холодная, абсолютная тишина материи. Для неё игра в Балансирене не начиналась. Она закончилась в самом чудовищном из старых, досистемных кошмаров.

Лицо Бурка оставалось каменным, но в уголках его глаз залегла тень. Он молча взялся за массивные замки, сковывающие её запястья. Механизмы хрустнули и поддались под усилием его новой, идеальной мускулатуры. Он делал это с той же методичностью, с какой разбирал оружие после боя. Её нужно было освободить. Хотя бы так.

И тут из коридора, ведущего в спальню, раздался голос. Электронный, скачущий, исполненный деланного удивления:

— Смотри-ка, братец, какие у нас гости! — на пороге стояла Весёлая маска, её экран сиял восторженными смайликами. — И какой здоровенный! Как думаешь, на сколько времени его хватит?

Из темноты за его спиной выплыла вторая фигура — Злая маска. Её голос был тише, сдавленное, словно сквозь стиснутые зубы:

— Не нравится мне он. Чувствуешь? Воздух... тяжёлый. Давай лучше отступим, у нас ещё будет возможность...

— Братец, ты чего!? — пискляво перебил Весёлый. Он сделал шаг вперёд, в его руке мелькнула длинная, тонкая игла-стиллет. — Сейчас я возьму его под контроль, а ты его ниточками... ну, как обычно! Это же новый материал! Целый и невредимый! Представляешь, что мы...

Он не успел договорить.

Бурк не побежал. Не закричал. Он развернулся к ним и пространство комнаты изменилось.

Для Масок это выглядело так, будто здоровяк у кровати качнулся на месте, и в ту же микросекунду Весёлая маска почувствовал, как мир уходит у него из-под ног. Небольшой, но чудовищно плотный сгусток невидимой силы ударил его точно в коленную чашечку правой ноги. Кость не просто треснула — она рассыпалась в мелкую крошку, словно её изнутри разорвало взрывом. Он грохнулся на пол с коротким, недоуменным вскриком, и только тогда, с опозданием, на него накатила волна боли — острой, белой, выжигающей сознание. Он увидел, что его нога ниже колена висит на лоскутах кожи и сухожилий, развёрнутая под немыслимым углом. Она была не отрезана. Она была почти оторвана.

— Аа-а-агх! — его электронный голос исказился в диком, нечеловеческом визге.

Злая маска среагировал быстрее. Инстинкт убийцы, почувавшего угрозу, сработал мгновенно. Его пальцы дёрнулись и из рукавов его комбинезона выстрелили две тонкие, почти невидимые струны — усиленные версии тех нитей, что управляли марионетками, но всего две. Они могли разрезать сталь, прошить человека насквозь.

Они вошли в границу «Абсолютной Сферы» Бурка и застряли. Просто застряли, будто попав в густой, невероятно вязкий мёд. Их скорость упала до нуля. Они повисли в воздухе в сантиметре от груди Бурка, бессильно дрожа.

Злая маска понял всё. Всё и сразу. В его маске эмоции не считывались и не менялись, но весь его корпус выразил леденящий ужас. Это была не сила. Это был нерушимый приговор. Закон нового мира, который они так неправильно истолковали. Они молились новому порядку, считали появление Балансирены божественным знаком, разрешением наконец-то распуститься во всей своей «естественной» красе. А этот человек... был жнецом. Или самим посланником Смерти, пришедшей забрать свое.

«Больше никаких изуверств» промелькнула последняя связная мысль. Больше никаких долгих ночей с инструментами. Никакой сладкой дрожи, когда материал наконец ломается... Пришла расплата. Почему? Они же служили новому божееству - Балансирене, которая стала их новой религией, новым истинным порядком...

Бурк неспешно шагнул вперёд. Его сфера двигалась с ним, сминая подброшенный Злой маской стул, замедляя до полной остановки вторую порцию нитей. Он не тратил силы на сложные эффекты. Только на утяжеление. На сжатие.

Он подошёл к Злой маске, который отступал, споткнулся об агонизирующее тело брата и нелепо упал на спину. Бурк посмотрел на него сверху вниз. Взгляд не был злым. Не был яростным. Таким же оценивающим, как у Гараданга. Как у человека, который смотрит на вредное и назойливое насекомое.

Его ботинок, усиленный на мгновение волей, опустился на предплечье палача. Раздался хруст, похожий на звук ломаемых сухих веток. Вопля не последовало — только хриплый, захлёбывающийся выдох. Сознание Злой маски померкло от шока и беспомощности, уступая место тёмной, милосердной пустоте.

Они очнулись прикованными к кроватям. К тем самым, к которым всего несколько часов назад приковывали других.

Масок на них не было. Их сняли, отбросив в угол как ненужный хлам. Под масками оказались два брата-близнеца. Лица бледные, испачканные слезами, соплями и страхом. Почти одинаковые, если не считать перекошенного от боли и дикого ужаса лица того, чья нога была превращена в бесформенную, жутко перебинтованную культю. Бинты были пропитаны алым — Бурк не стал тратить на них зелья, просто остановил кровотечение, чтобы они не умерли слишком быстро.

У стены, прислонившись плечом к косяку, стоял хмурый Бурк. Он смотрел на Константина, который сидел на краю своей бывшей кровати, склонив голову и рассматривая свои руки. На руки, в которых были зажаты грубо отрезанные масками локоны его любимой.

Тишина в комнате была густой, как кровь. Прерывали её только всхлипы одного из близнецов и тяжёлое, свистящее дыхание второго.

Константин медленно поднял голову. Его глаза, пустые ещё несколько минут назад, теперь были полны. Не слезами. Не истерикой. В них стояла та самая, вымороженная за четыре дня пустота. Он перевёл взгляд со своих рук на братьев. Потом на Бурка.

Бурк встретил его взгляд и после долгой паузы кивнул. Один раз. Коротко. Не как спаситель. Как свидетель. К

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.